

Я посвящаю эту книгу моему любимому дяде Эдварду Байчману, который первым познакомил меня с идеей небес. Каждый год, когда мы собирались семьей за столом в День благодарения, он рассказывал, как однажды ночью в больнице проснулся и увидел, что на краю постели примостились в ожидании его конца души усопших людей, которых он любил при жизни. Рассказ этот забыть невозможно. И Эдварда я тоже буду помнить всю жизнь.

У каждого человека, как и у каждой религии, есть свои представления о небесах, и все они достойны уважения. История, описанная в этой книге, скорее догадка или своего рода попытка моего дяди и людей, подобных ему — тех, кто при жизни считают себя совершенно незначительными, — в конце концов понять смысл жизни на земле и поверить в то, что они были любимы.

Конец

Это история о человеке по имени Эдди, и начинается она с конца, с того, как Эдди умирает в лучах солнечного света. Может показаться странным начинать историю с конца. Но ведь любой конец одновременно и начало. Мы просто сразу об этом не догадываемся.

Последний час своей жизни Эдди провел, как и многие другие часы, на «Пирсе Руби», в парке развлечений на берегу огромного серого океана. В этом парке посетителей ожидали променады вдоль берега океана, «чертово колесо», «американские горки», автодром, кон-

дитерский киоск и павильон, где можно было пострелять из водяного пистолета в рот клоуну. А еще там был большой новый аттракцион под названием «Свободный полет Фреда», тот самый, где суждено было погибнуть Эдди — несчастный случай, о котором написали все газеты штата.

Ко времени своей смерти Эдди был седым приземистым стариком с короткой шеей, широкой грудью, массивными руками и поблекшей армейской татуировкой на правом плече. Ноги у него были худые, с вздутыми венами, а раненное в войну левое колено поражено артритом. Передвигался он, опираясь на палку. Широкое, опаленное солнцем лицо обрамляла серебристо-пепельная щетина, а слегка выпирающий подбородок придавал виду Эдди совершенно несвойственную ему надменность. За левым ухом у него торчала сигарета, а на ремне болталась связка ключей. Он носил ботинки на резиновой подошве и старую льняную кепку. По светло-ко-

ричной форме его можно было принять за рабочего. Так вот, Эдди и был рабочим.

В обязанности Эдди входило техническое обслуживание аттракционов — он должен был следить за их исправностью. Каждое утро он обходил парк, проверяя все аттракционы — от «вихревых качелей» до «ныряльной трубы». Выскивал сломанные планки, незатянутые болты, проржавевшую сталь. Порой он останавливался, пристально к чему-то присматриваясь, и проходившие мимо думали, что он нашел неполадку. Но он просто прислушивался, и больше ничего. После стольких лет работы Эдди говорил, что научился *слышать* неполадки в фырканье, заикании и треньканье механизмов.

За пятьдесят минут до конца своей жизни Эдди в последний раз обходил «Пирс Руби». Он обогнал пожилую пару.

— Здравствуйте, — пробормотал Эдди, до-
тронувшись до козырька.

Старики вежливо кивнули. Посетители знали Эдди. По крайней мере, всегда. Они привыкли видеть его в этом парке каждое лето. У него на груди, на рабочей рубашке, красовалась нашивка с надписью «Эдди» и чуть ниже «Техобслуживание», так что время от времени кто-нибудь обращался к нему: «Привет, Эдди-Техобслуживание». Эдди не считал это удачной шуткой.

А сегодня, так уж случилось, у Эдди был день рождения, восемьдесят третий. На прошлой неделе доктор сказал ему, что у него опоясывающий лишай. Опоясывающий лишай? Эдди понятия не имел, что это за штука. Прежде он был такой здоровый, что одной рукой мог поднять карусельную лошадь. Но это было давным-давно.

— Эдди!

— Возьми меня, Эдди!

— Возьми меня!

Сорок минут до смерти. Эдди проталкивался к началу очереди на «американские горки». Он проверял каждый аттракцион по крайней мере раз в неделю, чтобы убедиться, что тормоза и прочие механизмы в порядке. Сегодня очередь «американских горок» — эту прозвали «Горка-привидение», — и дети, знавшие Эдди, просили его посадить их с собой в кабинку.

Дети любили Эдди. Дети, но не подростки. От подростков хорошего не жди. На своем веку Эдди каких только не повидал подростков, бездельников и грубиянов. Но дети — совсем другое дело. Они смотрели на Эдди с его дельфиньим подбородком, из-за которого казалось, что он все время усмехается, и доверяли ему. Они тянулись к нему, как озябшие руки к огню. Они цеплялись за его ноги. Играли его ключами. А Эдди в ответ только похмыкивал. Ему казалось, именно потому, что он молчаливый, дети его и любили.

На этот раз Эдди выбрал двух мальчишек в бейсбольных кепках, натянутых задом наперед. Они стремглав кинулись к кабинке и плюхнулись на сиденье. Эдди отдал свою палку дежурному по аттракциону и медленно уселся между мальчуганами.

— Поехали... Поехали! — завопил один из ребят, в то время как другой потянул Эдди за руку и обвил ею свое плечо. Эдди опустил на колени защитную планку, и — бам-бам-бам! — они устремились ввысь.

Об этом случае с Эдди знали многие. Еще когда был мальчишкой и рос возле этого самого пирса, он как-то раз ввязался в уличную драку. Пятеро ребят с Питкин-авеню окружили его брата Джо, чтобы задать трепку. Эдди в это время сидел на крыльце на соседней улице и ел бутерброд. И тут он услышал вопль своего брата. Он кинулся со всех ног на соседнюю улицу и там, порабо-

тав крышкой от мусорного бака, отправил двух драчунов в больницу.

После этого случая Джо не разговаривал с Эдди два месяца. Ему было стыдно: он был старший в семье, а дрался за него Эдди.

— Можно еще разок, Эдди? Пожалуйста!

Эдди оставалось жить тридцать четыре минуты. Он поднял защитную планку, дал мальчишкам по леденцу, забрал свою палку и заковылял к мастерской техобслуживания передохнуть от палящего зноя. Если б он только знал о неотвратимо надвигавшейся смерти, он бы выбрал совсем другой маршрут. Тем не менее Эдди сделал то, что делаем мы все. Он снова впрягся в скучные повседневные дела, словно впереди у него была целая вечность.

Молодой долговязый скуластый парень по имени Домингес, рабочий мастерской, возился возле бака с растворителем — счищал с колеса смазку.

— Это ты, Эдди? — бросил он.

— Угу, — ответил Эдди.

В мастерской пахло стружкой. В ней было темно и тесно из-за низкого потолка и стен, увешанных дрелями, пилами и молотками. Повсюду лежали «части тела» аттракционов: компрессоры, моторы, ремни, лампы, «головы пиратов». Вдоль одной из стен высились штабеля банок из-под кофе, набитых гвоздями и шурупами, а вдоль другой стояли нескончаемые бочонки с колесной мазью.

Смазка механизмов, по словам Эдди, требовала не больше ума, чем мытье посуды, разница лишь в том, что после смазки все становится не чище, а грязнее. Такой работой Эдди и занимался: смазывал механизмы, чинил тормоза, затягивал болты, проверял электрические панели. Сколько раз мечтал он уйти из парка, найти новую работу и начать совсем иную жизнь! Но грянула война. И планы его рухнули. Со временем Эдди уже представлял себя не иначе как седеющим человеком в мешковатых штанах, устало смирившимся с тем,

что такой уж он и есть и таким останется навсегда: человеком в вечно забитых песком сандалиях, живущим в мире механического смеха и жареных сосисок. Точь-в-точь как прежде его отец. И как гласила нашивка у него на груди, Эдди был Техобслуживанием — начальником техобслуживания, — или, как порой называли его дети, Аттракционщиком с «Пирса Руби».

Тридцать минут до смерти.

— Эй, с днем рождения! — сказал Домингес.

Эдди только хмыкнул в ответ.

— Справлять-то будешь, или как?

Эдди посмотрел на него как на сумасшедшего. Ему почему-то вдруг пришла в голову мысль: до чего странно стареть в парке, пропахшем сахарной ватой.

— Эдди, ты помнишь, у меня на будущей неделе выходные с понедельника? Едем в Мексику.

Эдди кивнул, а Домингес стал приплясывать на месте.

— Едем вместе с Терезой. Повидаем всю семью. Повес-с-селимся!

И тут он заметил, что Эдди уставился на него в изумлении.

— Был когда-нибудь? — спросил Домингес.

— Где?

— В Мексике.

Эдди грустно вздохнул:

— Я, парень, вообще-то был лишь в краях, куда меня с винтовкой посылали.

Эдди проводил взглядом Домингеса, который возвращался к баку с растворителем. На минуту он задумался, а потом достал из кармана небольшую пачку денег и вытащил из нее двадцатидолларовые бумажки — у него их было всего две — и протянул Домингесу.

— Купи своей жене что-нибудь красивое, — сказал Эдди.

Домингес с удивлением посмотрел на деньги и широко улыбнулся:

— Да брось ты, Эдди. Ты что это, взаправду?

Эдди сунул бумажки ему в руку и медленно побрел к складу.

Еще давным-давно в досках на променаде кто-то вырезал «рыбную щель», и теперь Эдди приподнял пластмассовый стаканчик и протянул леску, опущенную в океан на восемьдесят футов. На крючке все еще болтался кусок вареной колбасы.

— Ну, поймали мы чего-нибудь? — закричал Домингес. — Скажи, что поймали!

«И откуда у него этот оптимизм? — удивился Эдди. — Ведь ни разу на эту леску ни черта не поймалось».

— Когда-нибудь, — заорал Домингес, — мы обязательно поймем палтуса!

— Угу, — пробормотал Эдди, хотя точно знал, что через такую маленькую дыру такую большую рыбину ни за что не вытянуть.

Двадцать шесть минут до конца жизни. Эдди поплелся по променаду к южному его концу. Бизнес сегодня шел ни

шатко ни валко. Девушка, что торговала в конфетном киоске, облокотилась на прилавок и жевала резинку, выдувая прозрачные пузыри.

Когда-то каждое лето «Пирс Руби» становился *особенным* местом. Тут были слоны, фейерверки, танцевальные марафоны. Но теперь люди не очень-то стремятся на пирсы — их больше влечет в тематические парки, где платят семьдесят пять долларов за вход и есть возможность сфотографироваться с гигантским лохматым персонажем мультфильма.

Эдди проковылял мимо автодрома, и тут взгляд его упал на группу подростков, перегнувших через ограждение. «Ну и дела, — подумал он. — Только этого мне и не хватало!»

— А ну-ка прочь! — Эдди постучал палкой по ограде. — Вы что! Это же опасно!

Подростки пристально, с неприязнью посмотрели на Эдди. Автомобили с треском и шипением унеслись прочь.

— Это опасно, — повторил Эдди.

Подростки переглянулись. Один из них, с ярко-оранжевой прядью, нагло ухмыльнулся Эдди в лицо, перевалился через ограду и наступил на средний рельс.

— Ну давайте, чуваки, давите меня! — закричал он, махая рукой водителям автомобилей. — Давайте давите ме...

Эдди с такой силой ударил по рельсам, что его палка едва не разломилась пополам.

— МАРШ ОТСЮДА!

И подростков как ветром сдуло.

Об Эдди рассказывали еще одну историю. Солдатом он не раз бывал в бою. И сражался храбро. Даже был награжден медалью. Но в конце службы он ввязался в драку с одним из своих. И его ранило. Никто не знал, что случилось с тем, другим.

И никто Эдди об этом никогда не спрашивал.